

Цзян Лоюй повернулся и с некоторым оцепенением смотрел на солнечный свет, постепенно угасающий у края беседки. словно устал, он поднял руку и потер переносицу, тихо сказав:

— Сходи в дом, принеси мне флейту.

Мянь Син услышал и тут же низко склонился:

— Слушаюсь.

Не прошло и половины времени, нужного для выпивания чая, как Мянь Син вернулся во двор, быстро шагая к беседке с деревянным ларцем в руках. Он поклонился и подал ларец Цзян Луую. Тот с равнодушным видом открыл незапертый ларец, вынул лежащий на бархате изумрудно-зелёный нефритовый флейт, некоторое время нежно гладил его, после чего тихо произнёс:

— Все идите. До ужина я вернусь.

Мянь Син и Чжуй Юнь, услышав приказ, тут же склонились и, пятась, отошли по тропинке назад, направившись к недалёкому Двору Изумрудных Волн. Вскоре в беседке остался один Цзян Лууй. Он прислонился к столбу, держа флейту поперёк, и на лице его читались растерянность и отвращение.

Когда за стеной внезапно зазвучали чистые, одинокие звуки флейты, человек в белом, стоявший по ту сторону, закрыл глаза, резко развернулся и пошёл к воротам. Полы белой одежды с тёмным узором развевались на ветру, чёрные волосы закрывали лицо, изуродованное страшными шрамами, но не могли скрыть пальцы, крепко сжатые в руках.

В звуках флейты не было бесконечной, навязчивой тоски, ни прерывистых рыданий, лишь бездонная, непроницаемая тьма, скрывающая боль и обрывающая последнюю нить нежности. Это было похоже на то, как весенняя зелень окончательно опадает, или как красная слива, тихо распускающаяся под зимним снегом, осыпается с веток, словно человек целиком погружается в отчаяние и скорбь, превращаясь в пепел.

Неизвестно сколько времени прошло, но протяжная мелодия, взяв высокую ноту, внезапно оборвалась на полуслове, словно чья-то рука резко прервала звук.

Когда краем глаза он снова заметил ту белую фигуру, улыбка на губах Цзян Лоюя померкла. Мелодия оборвалась, длинные пальцы невольно сжали изумрудную флейту, но он так и не обернулся, лишь опустив глаза, хрипло спросил:

— Зачем ты снова пришёл?

Бай Миньюй стоял неподалёку, его белые одежды развевались на ветру, чёрные волосы падали на лицо, скрывая выражение и глаза цвета тёмного янтаря.

Его голос был очень тихим, словно таял в себе невыразимые чувства и борьбу. Пальцы чуть не пронзали кожу ладоней, всё тело дрожало от поднимающегося внутри волнения, но голос был холодным, как лёд:

— Зачем ты сказал такие слова?

Цзян Лоюй не ответил, лишь устало закрыл глаза, присел у основания столба и слегка провёл пальцами по игровым отверстиям флейты, губы его сжались.

— Зачем ты сказал такие слова? — Бай Миньюй, не дождавшись ответа и словно не выдержав, устремил глубокий взгляд на эту светло-зелёную фигуру и, чеканя слова, произнёс. — Тот господин Юнь, он ведь влюблён в тебя?

— Любит или нет, какое мне дело? — Цзян Люй, казалось, не ожидал, что тот продолжит questioning, и, услышав его голос, на мгновение задумался, после чего холодно отозвался. — Моих забот и так достаточно, незачем ему добавлять шума.

Не договорив, он бросил безразличный взгляд на Бай Миньюя, стоявшего у беседки, сжал флейту в руке, взмахнул рукавом и пошёл прочь из беседки. Бай Миньюй, глядя, как его фигура удаляется, опустил голову, стиснул зубы и, вопреки обыкновению, быстро зашагал следом. Глаза цвета тёмного янтаря излучали непонятное упрямство и нежелание сдаваться.

Цзян Люй быстро заметил шаги за спиной, резко обернулся, смерил белый взгляд холодным взглядом, прищурился и прошипел:

— Не следуй за мной!

Бай Миньюй, услышав в его голосе отвращение, но и уловив глубоко скрытую панику, вдруг остановился. Оцепенело глядя на человека, находившегося всего в нескольких шагах, он, хотя губы его были бледны, упрямо зашевелил ими:

— Если бы...

Цзян Люй не расслышал его слов и, боясь, что тот пойдёт за ним во внутренние покои, решил договорить здесь, чтобы потом не обращать внимания на его преследования, и, повернувшись, спросил:

— Что?

Бай Миньюй, услышав его голос, словно обрёл смелость. Глаза цвета тёмного янтаря впились в него, и он вдруг чеканя произнёс:

— Если однажды кто-то действительно сможет это сделать?

Цзян Люй закрыл глаза, словно став ещё уставше, и пальцы его сжались у бока.

— Не будет.

Голос его был очень лёгким и медленным, словно фраза повисла в воздухе, не в силах упасть, призрачная и вот-вот исчезнет:

— Никто не сможет этого сделать.

Бай Миньюй, видя, что тот больше не желает говорить и, развернувшись, направляется к недалёкому двору, а его светло-зелёные полы развеваются на ветру, а кожа, белая как нефрит, под солнцем кажется ещё холоднее, всё же не удержался и сделал несколько шагов вперёд, снова заговорив:

— А если... правда будет?

В этот раз Цзян Люй не оглянулся и не ответил, лишь на губах его появилась улыбка, полная свирепости.

Не будет.

Ни кто, ни когда, ни что бы ни случилось.

Никогда.

Бай Миньюй застыл, глядя на его спину, пока она не скрылась из виду, после чего опустил голову и тихо пробормотал:

— Если бы...

Разве...

Как раз в тот момент, когда он стоял у беседки, внезапный порыв ветра с ароматом цветов поднялся и унёс тихий голос, так что никто больше не мог его услышать.

Прошло ещё несколько месяцев, лето подходило к концу, листья лотоса в пруду уже начали вянуть и сворачиваться. Прохладный ветер в беседке развеивал ветряные колокольчики под крышей галереи и одновременно развеивал чёрные волосы и полы одежды людей, стоявших у дверей принцессы Лиян, только что завершивших утренний приветственный ритуал.

Цзян Луюй спокойно стоял у галереи и, почувствовав, что ветер стих, улыбнулся, повернулся и посмотрел на стоящую рядом Цзян Хуэй. Та, хотя и была одета красиво, как небожительница, выглядела очень плохо, а в глазах читалась непонятная тень. Он тихо спросил:

— Мы не виделись несколько дней, почему ты выглядишь такой измождённой, кузина?

Цзян Хуэй, услышав голос рядом и слово «измождённая», машинально потрогала лицо и уже собралась рассердиться, но, увидев, что говорит Цзян Луюй, чуть успокоилась и с натянутой улыбкой ответила:

— Правда ли?

— Видя тебя такой измождённой, мне действительно жаль, — Цзян Луюй кивнул, его взгляд был очень глубоким, а улыбка словно побледнела от беспокойства. Он, немного подумав, предложил Цзян Хуэй. — Кстати, кузина, на днях я слышал, что в столичном храме Защитника Государства совсем недавно стало очень много паломников, и многие загаданные желания сбываются. Видя, что у тебя такой упадок сил, а я уже долго в столице и ещё нигде не был, как насчёт того, чтобы через пару дней ты сопровождала меня в храм Защитника Государства развеяться?

Из-за дела с Нуань Юй несколько дней назад госпожа Чжэнь уже несколько дней лежала в постели в ярости, так что Цзян Хуэй давно не могла выходить из дома, провела всё лето в усадьбе, не находя места себе от мыслей об этих вещах. Поэтому, услышав слова Цзян Луюя, она притворно застеснялась, опустила голову, поклонилась и сказала:

— Раз брат так милостиво приглашает, сестра, конечно, не смеет отказать.

Цзян Луюй, услышав её согласие, улыбнулся ещё шире, на лице появилось больше радости, и он ответил:

— Ну раз ты согласилась, то хорошо. Кстати, старая няня из княжеского дома несколько дней назад прислала мазь «Ледяная кожа и нефритовые кости», после завтрака я тебе её передам.

Тебе ещё хватает мази?

<http://bllate.org/book/17692/1651049>